

Отзыв

на автореферат диссертации

Углевой Натальи Владимировны на тему

«МУЗЕЙНАЯ АТРИБУЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕБЕЛИ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКИ», представленной на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.2 - Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Представленный автореферат диссертации Н. В. Углевой посвящен музейной атрибуции древнерусской мебели. Автор диссертации, кандидат исторических наук, заведующая отделом дерева и мебели Государственного исторического музея, помимо большого опыта работы известна как куратор выставок «Гамбсова мебель», «Альбрехт Дюрер. Шедевры гравюры из собрания Пинакотеки Тозио Мартиненго», «Сокровища императорских резиденций в Историческом музее». Поэтому обращение к данной тематике вполне обосновано и закономерно. Актуальность вынесенной в заглавие темы не подлежит сомнению.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка и определений, списка использованной литературы и шести приложений, вынесенных в отдельный том. Первая глава озаглавлена «Древняя мебель как объект коллекционирования в музеях России», вторая- «Практика атрибуции древней мебели в XIX - первой четверти XXI вв», третья- «Трансформация подхода к музейной атрибуции древнерусской мебели в первой четверти XXI в».

Ключевой является третья глава, характеризующая комплексный подход в исследовании мебели, который базируется на рассмотрении вещи как предмета культуры, наделенного значимой информацией, на выверке мемориальной составляющей, выявлении провенанса, использовании метода формально-стилистического анализа и оценки состояния сохранности. Это положение вынесено на защиту (пункт 6) (С.20, 22).

Другое положение, вынесенное на защиту состоит в том, что древнерусская мебель IX–XVI вв. не утрачена, она сохранилась в музейных собраниях России, но была ошибочно причислена прежде к наследию более поздних эпох – XVII–XIX вв. в силу отсутствия эффективного подхода к ее выявлению и изучению в практике музейной атрибуции» (пункт 7) (С. 20, 22).

Наконец, принципиально важно положение под пунктом 5, согласно которому в атрибуции древнерусской мебели практика исследования древесины методом радиоуглеродного анализа не приносит актуальных результатов, т.к. полученные в качестве итога хронологические рамки исчисляются несколькими веками (С. 20).

Рассмотрим обоснованность, корректность и результативность этих вынесенных на защиту положений.

Указанные автором диссертации составные части предложенного комплексного метода, включающего анализ мемориального компонента, изучение провенанса, стилистический анализ, сохранность, широко применяются при атрибуции и экспертизе, они хорошо и давно известны. Здесь нет ничего принципиально нового. Однако важны практические результаты «комплексного метода», применяемого автором диссертации.

Рассмотрим их на конкретных наиболее аргументированных диссертантом примерах.

По мнению автора диссертации т.н. «стол царевны Софьи», датированный 1690-ми годами, на самом деле относится к XV-первой половине XVI в. Основные аргументы исследовательницы: опора изготовлена из березы, столешница – из ольхи; стоечная конструкция с монотонным ритмом прямоугольников находит параллели в готической мебели Норвегии и Англии; складная конструкция и небольшие размеры (114 × 53 см при высоте 73 см) указывают на походное назначение; расписная столешница с раппортным орнаментом соответствует моде на демонстрацию мебели в готике и Ренессансе.

Однако утверждение об изготовлении столешницы шириной 53 см «из одной широкой доски» ольхи крайне сомнительно. Ольха редко достигает диаметра ствола более 40–50 см даже в зрелом возрасте, а для получения доски шириной 53 см потребовался бы ствол диаметром не менее 60–65 см с учетом коры и потерь при распиловке. Кроме того, ольха склонна к раннему загниванию сердцевины, что делает маловероятным сохранение широкой монолитной доски на протяжении столетий.

Аргументация «отечественного происхождения» по причине использования березы и ольхи не выдерживает критики. Береза и ольха распространены не только в России, но и по всей Европе и Азии. Совершенно не доказано утверждение о «заимствовании» техники шпонок «из практики создания икон». Эта техника могла существовать параллельно в разных ремеслах, а не обязательно передаваться от иконописцев к мебельщикам.

Отмеченное диссертанткой сходство орнамента «с восточными тканями, повторяющими аналогичную композицию с древнейших времен до современности» не дает никаких оснований для датировки памятника. Более того художественное решение не находит прямых аналогий ни с памятниками русского, ни с предметами зарубежного искусства. В итоге радикальный хронологический сдвиг на 100–200 лет опирается преимущественно на стилистические параллели деталей с разновременными и европейскими образцами разных стран.

Другой характерный пример- переатрибуция стула, по инвентарной книге 1937 г. «русской работы первой половины XVIII века (более ранней формы)» на IX–XI вв. на основе стилистических параллелей с новгородскими находками и скандинавской мебелью. Более конкретно-это дубовая конструкция с деревянными нагелями, трапециевидная спинка с расширением сверху, зооморфные мотивы на передней проножке (стилизованные протомы лошадей или драконов) и точечный орнамент. Эти элементы сопоставляются с бронзовыми псалями стиля Борре из новгородских раскопок середины X

века, медными брошами викингов (800–1050 гг.) и норвежской мебелью XII–XIII столетий.

Прямых аналогий автор диссертации привести не смогла. Сравнение же деревянной мебели с металлическими украшениями разных функций, культур и эпох игнорирует разницу в материалах, технологиях и контексте использования. Широко известно то, что зооморфные мотивы могли сохраняться в ремесленных традициях столетиями — их присутствие не равно ранней датировке. Достаточно серьезная ошибка — привлечение аналогий из разных эпох. Норвежские кресла XII–XIII веков при датировке стула на 300–400 лет раньше создают иллюзию преемственности без доказательства хронологической связи.

В целом, не находя полных аналогий артефактам, исследовательница обращается к аналогиям деталей, в основном, стилистическим, которые трудно назвать полными и корректными. Вывод представляется достаточно очевидным. Предложенные на основании методики автора реатрибуции, к сожалению, не имеют достаточных оснований.

При этом предлагаемая В. Н. Углевой методика вполне могла сработать и направить автора в поисках аналогий в правильном направлении, если бы из нее не были исключены естественно-научные методы анализа артефактов. В диссертации отсутствуют лабораторные данные. Ни дендрохронология, ни радиоуглеродный анализ — только визуальные параллели. Исключение метода радиоуглеродного анализа для датирования древнерусской мебели на современном этапе охарактеризовано в автореферате как личный вклад соискателя (С. 20, 22).

Такая принципиальная позиция не соответствует современному уровню разработки и результатам применения радиоуглеродного и дендрохронологического анализов. Приведем лишь несколько примеров, связанных, в том числе с анализом музейных артефактов из дерева древнерусского периода.

С помощью дендрохронологического метода в Институте географии РАН была датирована новгородская икона начала XV века «Богородица Дексиократуса». Удалось с точностью до сезона определить дату порубки деревьев, использованных для изготовления досок основы иконы, — весна 1410 года.

Для определения возможных погрешностей метода в Институте географии РАН методом дендрохронологии была датирована икона «Великомученик Димитрий Солунский с житием». Полученная дата была сопоставлена с датой на иконе (икона подписная). Подписная дата — 7105 год от сотворения мира, то есть 1596 год от Рождества Христова. Датирование дендрохронологическим методом показало год образования последнего годичного кольца — 1587-й. Разница в девять лет объясняется возможной утратой нескольких внешних годичных колец при изготовлении доски, а также временем, прошедшим от порубки дерева до написания самой иконы.

Объединение дендрохронологического и радиоуглеродного методов позволяет получить довольно точные результаты, когда сама по себе дендрохронологическая датировка невозможна, а радиоуглеродный метод в отдельности дает очень широкий интервал. Такое объединение получило название *wiggle-matching*. При сопоставлении пяти радиоуглеродных датировок для иконы XV века «Святой Николай Мирликийский со сценами жития», каждая из которых имела ширину интервала от 37 до 96 лет, удалось получить интервал шириной всего 17 лет (1474–1490 годы) для внешнего годичного кольца, то есть кольца, наиболее приближенного к дате написания иконы. При этом датировка на основе иконографического метода, подкрепленная данными химического анализа пигментов, ранее отнесла данную икону к началу XV века, что оказалось ошибочным.

Получила известность история с датировкой иконы «Сошествие во ад», которую частный коллекционер хотел продать Третьяковской галерее за 500 тыс. долларов как икону XIV века. Датировка досок иконы показала, что они срублены в 1668 ± 15 годах, и говорить о XIV веке не приходится.

Более ранний период также хорошо поддается датировке методом «wiggle matching». Из сруба могилы 4 Оглахтинского могильника были взяты образцы от двух брёвен. Для каждого из них получены по две вероятные радиоуглеродные даты — ранняя и поздняя, что связано с особенностью калибровочной кривой для II-IV вв., не позволяющей датировать однозначно. Усреднённые даты обоих образцов представлены интервалами 260-296 и 372-402 гг. н.э. С целью определения одного, более достоверного интервала проведён анализ полученных радиоуглеродных дат методами математической статистики, по итогам которого значительно более вероятной представляется поздняя дата устройства сруба — 387 г. н.э.±15 лет.

С помощью этой модификации радиоуглеродного анализа было датировано время постройки крепости Пор-Бажин. Ранее она датировалась по косвенным историческим данным временем около 750 г. н. э. В глиняных стенах крепости были обнаружены необработанные стволы лиственницы. Из спиля 130-летнего ствола были продатированы кластеры по 5 годичных колец с интервалом 10 лет. Оказалось, что наилучшее совмещение полученной серии дат с калибровочной кривой достигается если начало серии приходится на 770-е годы.

Особо отметим успехи дендрохронологии в узком датировании мебели Северных Нидерландов конца XVII – начала XVIII веков и многочисленные дендрохронологические исследования артефактов разных эпох, опубликованные в «International Journal of Wood Culture», одном из главных зарубежных изданий этого профиля (van Duin P., Domínguez-Delmás M. Dendrochronological Dating of Northern Netherlandish Furniture from the Late-17th and Early-18th Centuries // International Journal of Wood Culture 3 (2023). P. 305–328). К сожалению, это ключевое периодическое издание осталось вне поля зрения автора диссертации.

В настоящий момент путем статистической обработки можно получить время гибели дерева с точностью до десятилетия.

Как мы видим, исследования с помощью естественно-научных методов в применении к артефактам из дерева проводятся в научных институтах и музеях России. Их результаты в современной науке являются решающими для датировки таких предметов. Без них любая датировка остается не более чем гипотезой.

Отметим также, что заявленная тема значительно шире содержания диссертации. Необходимо обоснование хронологии древнерусского этапа становления мебельного дела, который определен XVII в. и не включает характеристики более ранних периодов. Кроме того, для выделения древнерусской мебели необходимо иметь четкий список признаков ее характеризующих, которого нет в диссертации.

Таким образом, составляющий основу диссертации «комплексный метод», не включающий исследования естественно-научными методами, делает предложенные реатрибуции при крайней спорности стилистических аналогий и явных ошибках недоказуемыми. Без применения радиоуглеродного и дендрохронологического анализов выделение музейной древнерусской мебели, не имеющей археологического контекста, вряд ли возможно.

Приходится констатировать, что вынесенные в название диссертации и используемые подходы, методы и практики не отвечают современному уровню развития науки.

Представленный автореферат, соответствующий тексту диссертации, не содержит современных методов анализа, обеспечивающих высокую степень достоверности полученных результатов. Цели исследования не соответствуют полученным результатам. Практическая значимость не очевидна.

Подводя итог, приходится делать вывод, что, к сожалению, диссертация в представленном виде не отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней в редакции 25.01.2024 г.

Газан

А. В. Сазанов

09.февраля 2026 г.

Сведения о рецензенте

Сазанов Андрей Владимирович, доктор исторических наук (07.00.06-Археология), научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии РАН», адрес 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова 19, электронная почта ia.gas@mail.ru тел. личный +79263448223

В соответствии с Федеральным законом «О персональных данных от 27.07.06 N 152-ФЗ даю согласие на обработку персональных данных, размещение информации, необходимой для обеспечения порядка присуждения ученых степеней, на официальном сайте организации и в ФИС ГНА.

09 февраля 2026 г.

Газан

Подпись руки Сазанова А.В.
заверяю.

Специалист отдела кадров
Короткова Д.А.

